

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Кое-что о пролетариате

К метафизике класса

Йорг Финкенбергер

Йорг Финкенбергер
Кое-что о пролетариате
К метафизике класса
2013

Скопировано 15.12.2023 с

<https://liberadio.noblogs.org/?p=1189>

Перевод с немецкого. [http://dasgrossethier.wordpress.com/
2013/05/26/etwas-uber-das-proletariat/](http://dasgrossethier.wordpress.com/2013/05/26/etwas-uber-das-proletariat/)

ru.anarchistlibraries.net

2013

что обозначается словом пролетариат. Но тогда революция уже идёт полным ходом. Что же это, в самом деле, такое, если не просто слово? В противном случае, революция ещё не началась.

8.

Сегодня, например, существуют, рабочие советы в эль Махалла эль Курба и в других местах, и я опасаюсь, нам придётся снова удерживать людей от того, чтобы у них при этом начинали блестеть глаза. Такие вещи возникают там, где много бастуют, по необходимости, и то, чем они занимаются — столь же хорошо и столь же плохо, насколько хорошо или плохи люди, в эти советы входящие. Являются ли промышленные рабочие поэтом ядром революции? Без них ничего не возможно, но ничего не возможно только с ними. Маркузе однажды сказал, что студенческое движение 60-х годов показало, что промышленные рабочие больше не способны развить универсальное сознание класса. К чему же сегодня можно обратиться как к пролетариату? К тому, что революционно. Касательно того, чем это должно быть, нет какого-либо имманентного масштаба, и как показывают события — невозможно даже предвидеть, кто может быть к этому причислен.

Пролетариат столь же разрознен как и человечество; если хочется ухватиться за слово (а это не более, чем слово), то ему придётся ещё возникнуть, собрать воедино все свои разрозненные аспекты. Бесперспективная молодёжь, угнетённые женщины, эксплуатируемые рабочие и совершенно иные части этого общества, и там, где они узнают себя друг в друге, и где из их отдельных нужд возникнут очертания одной единой нищеты, которую нужно преодолеть в едином действии: вот тогда возникнет на улицах, в своей собственной революционной общественности то,

Оглавление

1.	6
2.	8
3.	10
4.	12
5.	14
6.	16
7.	17
8.	18

7.

У этого слова есть целый ряд значений, которые, как обычно, друг с другом не смешиваются и друг от друга не отделяются. С одной стороны, это социологическая категория для обозначения одной или нескольких общественных групп, а также псевдо-экономическая категория, указывающая на один из пунктов обще-экономических затрат, а с другой стороны — категория философская, и причём явственно метафизическая. Оба значения никогда не совпадают и, согласно опыту, никогда полностью друг от друга не отделятся.

Несколько привычных высказываний функционируют только, когда это слово поочерёдно принимает несколько из этих значений. Пролетариат либо революционен, либо нет, что значит, что класс так, как он есть, собственно, как расходная статья или как собрание отдельных людей неким образом не существует совсем; лишь когда он прекращает просто быть и начинает прекращать быть пролетариатом, он существует как пролетариат. Я не знаю, как могут сосуществовать упомянутые выше дебаты и столь настораживающие качества весьма гипотетического предмета. Грубо говоря, я не понимаю, как можно вести такие дебаты, иначе я предполагаю в этом злой умысел.

6.

Кажется, что изо всех этих размышлений класс постоянно выходит непостижимой химерой. Кажется, что его предназначения исключают друг друга. Прибавим к ним ещё одно.

Если бы класс действительно обрёл себя, т.е. действительно сверг бы существующее, что бы он поставил на это место? Если мы примем аналогию с буржуазией, то он должен был бы поставить на место старого общества свой собственный принцип. Но принцип пролетариата является ни чем иным, как, по словам Маркса, принципом старого общества, вот только то, что кажется обществу позитивным, в пролетариате отражается негативно. Пролетариат был бы, таким образом, негативностью, самым принципом буржуазного общества. Усилия, затрачиваемые ради революции, чтобы заменить принцип им же самим, остаются для меня необъяснимыми.

Класс должен был бы, прежде всего, упразднить все классы, т.е. себя самого как класс. На этом заканчивается гнилая аналогия с буржуазной революцией, которая всегда была чем-то совершенно другим. Революция пролетариата должна быть революцией против принуждения жить как пролетариат. Его принципом было бы упразднение пролетариата. Как быть в этом диком положении?

Эта статья не является сведением счётов с Робертом Курцем. Он бы её ненавидел, но в мои намерения не входило присоединиться к тем, кто насмешливо или с ненавистью говорит о его смерти. Роберт Курц не был нам особенно хорошим другом, во многих и решающих вопросах он принимал верные решения, в некоторых — ошибочные. В любом случае, он был честным противником, а это, возможно, нето лучшее, чем политический союзник. Он, как бы это сказать, был мне за спиной симпатичнее, чем многие из «наших» лицом к лицу.

***

Прошло примерно полтора столетия с тех пор как был написан тезис, что освобождение рабочего класса может быть лишь делом самого рабочего класса, и прошедшее с тех пор время не особенно приглашало к тому, чтобы выдать какой-либо ясный комментарий к этому тезису. Следовательно, не стоит ожидать, что сегодня он понимается лучше, чем тогда, или даже хотя бы столь же неверно.

1.

Мне надоели дебаты о пролетариате, не только потому, что они на протяжении десятилетий остаются теми же, без каких-либо признаков улучшения; или потому, что все, кто мог бы что-то сказать по этому поводу, считают дебаты законченными, а те, прежде всего, кто в таких дебатах участвуют, не могут сказать ничего особенного по теме; или потому, что каждые пару лет тот или иной из возможных и неверных ответов снова вводится в употребление при большой затрате сил и ещё большем влиянии на постоянно и безошибочно впечатлённую публику. Я не могу выносить эти дебаты, в первую очередь, т.к. они всегда и, как кажется, закономерно неверно ведутся, что кажется судьбой всех так называемых «дебатов».

Если теория служит товарной формой понятия, то дебаты — это обмен товаров, только при этом никто не становится богаче. Но речь не о том; мы, левые, люди непритязательные; речь о том, чтобы при сравнении выглядеть не так бедно, как конкуренция.

Сторона А «позитивно ссылается на пролетариат», как говорит о ней сторона Б; что может быть трюком, которого за стороной А лучше никому не повторять. Это напоминает способность засовывать свою голову в свою же задницу. Напротив, сторона А уверяет, что сторона Б «распростилась с пролетариатом», что, в свою очередь, является неожиданным выходом на пенсию, которого никто от стороны Б не ожидал. Если быть знакомым с обеими сторонами или, хотя бы, с их базисом, который всё же на пенсию не вы-

Он далёк от того, чтобы игнорировать ту ужасную нужду, но он также далёк от того, чтобы просто проклясть британский захват. Не потому, что он, как это делали так называемые марксисты-ленинисты, просто приписывает капиталу прогрессивную роль, цивилизующую миссию (это был бы Редьярд Киплинг), но прогрессивная роль просто заключается в том, что капитал, помимо всех своих преступлений, мог бы создать единственного врага, который был бы в состоянии его упразднить, собственно, если бы пролетариат стал мстящим классом. Власти старого индийского общества бессильны перед капиталом, т.е. захват является фактом; у индийского общества нет внутренних сил, которые могли бы противостоять ужасным разрушениям, которые были вызваны вторжением мирового рынка, таким образом, эти разрушения станут фактом. Не было силы, которая могла бы это предотвратить. Тут нет сторон, которые можно было бы принять, процесс бессознателен и насильственен, как природный катаклизм. Пред лицом такой истории остаётся лишь потребовать логичных последствий. Партия, которая была бы в состоянии сделать эти последствия реальными, была бы нашей. Мы видели, существует она или нет.

5.

Задержимся, может быть, ещё немного на понятии мстящего класса. Маркс взял его не с потолка, а из конкретного примера, который, возможно, недостаточно известен. Я считаю, что он даёт важный ключ к пониманию того, как мыслил Маркс, и те, кто считает, что у него можно многому научиться, поступили бы разумно, если бы подробно этот пример рассмотрели. Маркс пишет о британском завоевании Индии после восстания 1857-го года.

После этого восстания британцы покончили как в владычеством Могулов, так и с опосредованной властью East India Company, и овладели Индией напрямую в форме British Empire of India. Они подвергли страну череде насильственных реформ с чудовищными последствиями для населения; существует прямая связь между подчинением мировому рынку и катастрофическим голодом десятилетия спустя.¹ Маркс очень точно воспринимает эти процессы, но он реагирует на них иначе, чем можно было бы подумать.

---

¹ По этой теме можно почитать, к примеру, «Late Victorian Holocausts: El Niño Famines and the Making of the Third World» Майкла Дэвиса, книга, которая даёт хорошее собрание фактов, но немного нелогичный анализ. В конце не ясно, что было той настоящей причиной, на которую книга постоянно намекает. Книга столь же загадочна, как и сама история, в этом её сила и её слабость. – Прежде всего те, кто не знает, в чём проблема мирового рынка, и у которых сейчас, может быть, на языке вертится фраза об «идиотии деревенской жизни», должны срочно её прочитать. Или вообще хоть что-нибудь.

шел и продолжает писать бесплатно, то абсурдность спора заключается в том, кто и с кем спорит.

Но впечатление обманчиво, т.к. на самом деле абсурдность заключается в чём-то другом. Присмотримся поближе; мы увидим, что абсурдность заключается не в обеих сторонах, которые, кстати, всегда будут разными, а в самом предмете спора, в «пролетариате», что бы это ни было, и возможно, тогда нас посетит светлая мысль (а может, и две) о спорящих сторонах и о том, почему они занимаются тем, чем занимаются.

необходимые подсчёты никак не хотят выдавать положительный результат.

2.

Пролетариат является, как уверяет нас Маркс, классом, который уже является упразднением всех классов, классом, в котором все позитивные принципы этого общества проявляются как своя противоположность: свобода как принуждение, собственность как нищета и т.д. Единственный класс, который мог бы стать классом сознания, единственный класс, который мог бы стать классом отщепенца, классом отрицания, партией разрушения. Наши сегодняшние потомки ситуационистов, например, в своё время, которое, кажется, не давало особенных поводов для надежды, обнаружили однажды эти слова в трудах Маркса и понадеялись, что смогут обратить невероятное упрямство этих слов против интегрированной и практикующей академической марксологии и против самих традиционных контрреволюционных левых.

Но пролетариат бился в своих битвах и был побеждён; он погиб в Испанской революции и все разговоры ситуационистов о возвращении колонны Дурутти доказывают лишь, что они и сами это знали, даже тогда, когда они ничего не знали. Ведь после Герники был Аушвиц и я на самом деле совершенно не понимаю, как можно считать, что это ничего не меняет.

Как раз ситуационисты не могли этого проморгать. Против варварства Первой мировой войны возникли радикальные движения, к главным движениям которых в искусстве относятся дадаизм, а позднее — сюрреализм; от них происходят, при огромном понятийном напряжении,

4.

Класс, однако, если бы он был тем, чем нужно, должен был бы быть представителем человечества, которое, расколотое на классы и государства, на данный момент не существует; либо существует лишь в этой раздробленности, подчинённости и разорванности. Если дать ему то предназначение, которое даёт ему Маркс в уже упомянутых словах, оно было бы исторической точкой, в которой было бы вообще мыслимо преодоление рабства и нищеты; но одновременно с этим, и это уже должно запутать, и глубокой деградацией человечества. Ведь в пролетариате не преодолено всё прошедшее рабство, оно сохранено: немислимо старое рабство половых отношений, власть военной аристократии над крестьянами, которую всё ещё можно найти повсюду в форме клиентелы; даже кастовая система отлично соотносится с жизнью при капитале. Пролетариат есть историческая форма, к которой капитал привёл угнетённое человечество.

Пролетариат, в первую очередь, является категорией, в которой мы все собраны. Таким образом, пролетариат, служит предпосылкой освобождения лишь в том смысле, в каком существующая проблема служит предпосылкой своего решения; или, возможно, в том смысле, в каком априорное существование чисел является предпосылкой счёта, когда в самих числах не содержится существования какого-либо определённого способа исчисления. Никому не придёт в голову ссылаться на это в позитивном смысле, как и отказываться от этого факта лишь потому, что

ситуационисты. Но тогда, когда они сами возникли, непосредственно после 1945-го года, тогда не было ничего, что могло бы сравниться с условиями 1918-го года. Берлинский дадаизм составлял революционное крыло движения советов и спартакистов, к которым он позже присоединился; сюрреалисты ещё видели революцию, на службу которой они хотели поставить поэзию. После 1945-го никто ничего подобного не видел. Класс? Революционный, мстящий пролетариат? В Европе не было видно и следа, не говоря уже о Германии! Следовало бы почитать коммюнике немецкой секции, исключённой из Ситуационистского интернационала, т.к. она слышать ничего не хотела о пролетариате: с горечью рассказывала она своим иностранным товарищам, что стачки в этой стране являются чем-то, где дают жареные сосиски и играют духовые оркестры. Сегодня, кстати, это больше не так: сегодня дают булочки с ливерным паштетом.

В 1918-м были революция и дадаизм, в 1945-м ничего подобного, и мы должны поверить революционному авангарду, что он этого не заметил? Но какие выводы он сделал из этого? Как раз никаких. Напротив, он усиленно делал вид, что на дворе всё ещё 1918-й и ещё ничего не произошло, что явно уже произошло. Что-то, что могло бы поставить под вопрос понятия класса.

3.

Ибо, так объясняют нам последователи Критической теории, пролетариат действительно погиб в своих поражениях; ещё его согласие с Первой мировой войной было предвестием того, что из класса сознания ничего не выйдет, что класс уже был коррумпирован до того, как он получил шанс исторического действия. Т.к., и это часто забывается, в понятии класса всегда было нечто сомнительное. Он, в конечном итоге, является ни чем иным как определением людей как рабочей силы, их предназначением в процессе производства. В этом смысле, в том, что понимается под классом, речь идёт, в первую очередь, о составляющей капитала. И там, где этому определению насильственно и успешно ничего не противопоставляется, оно одерживает победу; и так называемая автономия рабочего класса не приводит ни к чему иному, как к организации цели самого капитала без управленческой прослойки и под собственным управлением.¹

Подчинение класса общему процессу капиталистических отношений было предопределено, но его осуществление требовало политического действия. И тут даже антиленинистские левые весьма склонны считать «народный

---

¹ Идеологи вроде Негри говорят «auto-valorizzazione», не стыдясь при этом ни секунды. То, что его книги читались с энтузиазмом, уже говорит многое о состоянии класса. Где-то у меня ещё сохранилась документация тогдашней реакции на «Empire», исследование этого вопроса были бы, возможно, ближе теме этой статьи, чем что-либо ещё.

коллектив» именно той лживой пропагандой нацистов, которой его тогда представляла компартия Германии, вместо того, чтобы исследовать то, чем он был по реальным последствиям.

И эти последствия не ограничиваются лишь Германией. Они патологически изменяют понятие класса по-разному во всех уголках Земли. Что касается отношений между государственной властью и рабочей силой, отношений между соглашением и уничтожением и их идентичности, Германия при Гитлере служит историческим примером, которым может воспользоваться любой режим. Человечество, представленное союзниками, либо ООН не сделало после 1945-го года из этого никаких выводов, кроме основания государства Израиль. Исторический пример неопровержим, что означает, что действителен и будет оставаться действительным. Национал-социализм устроил мир таким образом, что нигде не видно причин тому, почему Аушвиц не мог бы повториться.